

УДК 930.1

М.С. Колесов, проф., д-р филос. наук*Севастопольского национального технического университета**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053,**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ: М.С. ГОРБАЧЕВ И «НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ»**

Рассматриваются некоторые методологические положения концепции «нового мышления» в сопоставлении с основными принципами «ленинизма».

Ключевые слова: философия, власть, мышление, революция, перестройка.

«...Надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобными намерениями, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые».

Николо Макиавелли

«Больше социализма!» «Дальше, дальше...!». «Вернуться к ленинским принципам социализма!» Подобными лозунгами пестрила советская печать в период «перестройки» в 80-е годы прошлого века.

Например, академик Г. Смирнов на провокационный вопрос научного обозревателя «Литературной газеты» (от 8 января 1989 г.), О. Мороза: «не устарел ли марксизм»? – убежденно заявил: «...Ленин давно проделал работу по уточнению марксистских взглядов и оставил нам в наследство целую систему представлений об экономических методах руководства хозяйством. Если бы Сталин не отверг этих рекомендаций Ленина, мы были бы в иной ситуации». «Мы столько наделали ошибок, допустили столько отступлений от представлений Маркса, Ленина! ...В силу ряда причин мы уклонились от важнейших принципов марксистско-ленинского учения о социализме».

Однако О. Мороз выразил сомнение в том, что, «учитывая... фактическое отсутствие экономических предпосылок, ...неотвратимой необходимости в социализме все же не существовало». «Этот строй был спроектирован, придуман, из великолепных, благих побуждений, ...но все-таки придуман. ...По сути, это попытка осуществить утопию. ...Вся наша отечественная история последних десятилетий – один сплошной затянувшийся эксперимент. ...Не пора ли пересмотреть взгляд на марксизм как на государственную идеологию? Пора перестать воспринимать недостоверные «научные» идеи как «руководство к действию».

Академик Смирнов был непоколебим: «...Марксизм исторически играл, играет и, видимо, в дальнейшем будет играть очень большую роль, ибо лучше пока не создано» [1].

Вероятно, в этом был убежден и последний Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев.

Как инициатор «перестройки», он по любому поводу клялся в верности «ленинизму». Однако при этом обращает на себя внимание одна странность: в своих многословных выступлениях Горбачев почти никогда, за редким исключением съездовских речей, не цитировал и не ссылался на конкретные ленинские работы, (впрочем, как и на работы К. Маркса), предпочитая вольное изложение его идей. Трудно заподозрить выпускника юридического факультета МГУ в незнании работ классиков «марксизма-ленинизма». Вероятно, он считал себя вправе выступать в роли их интерпретатора, пытаясь использовать их прагматически, для решения «насущных» политических задач.

В связи с этим оказывается интересным сопоставление с общеизвестными принципами «ленинизма» некоторых идей «нового мышления», как «философии внешней политики», провозглашенной «прорабом перестройки» в его известном трактате «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира», написанном специально по просьбе «американских издателей». В своё время, как-то не была замечена очевидная схоластичность этой книги. Вне внимания остались многие неленинские посылки автора.

«Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются с помощью терминов, – заметил современный политолог С. Кара-Мурза. – ...Замена слов и понятий политическими эвфемизмами как целая технология приводит к тяжелой болезни общества, которую еще Фукидид назвал коррупция языка» [2, с. 287].

Прежде всего, Горбачев пытается обосновать «революционный характер» перестройки.

Советский Союз, как «государство молодое, не имеющее аналогов ни в истории, ни в современном мире», и вместе с тем – «одна из самых могущественных держав мира», которая почему-то вдруг «начала терять темпы движения». В условиях «научно-технической революции», открывшей «новые

перспективы экономического и социального прогресса», в начале 80-х годов страна фактически приблизилась к «экономической стагнации» [3, с. 12].

Приведенные в книге экономические иллюстрации «анализа» были хорошо знакомы советским людям: «гонка «вала», особенно в тяжелой промышленности, как «сверхзадача», как «самоцель». «...Мы тратили, да пока еще и продолжаем тратить, значительно больше сырья, энергии, иных ресурсов на единицу продукции, чем другие развитые страны. Богатство нашей страны природными и трудовыми ресурсами избаловало, грубо говоря, развратило нас». Автор книги пишет и о «последствиях»: «Негативные процессы серьезно затронули социальную сферу. ...Появилась своеобразная «глухота» к социальным вопросам». В связи с этим Генсека партии беспокоит то, что «как-то тихо, вроде бы незаметно начали подтачиваться идейные и нравственные ценности». «Мир повседневных реальностей и мир показного благополучия все больше расходились друг с другом».

И самое главное:

«Произошло ослабление партийного руководства, была упущена инициатива в некоторых важных общественных процессах». «Уже у всех на виду были застой в руководстве, нарушение естественного процесса его смены. На каком-то этапе это привело к ослаблению работоспособности Политбюро и Секретариата ЦК партии, да и в целом Центрального Комитета КПСС, партийного и государственного аппарата. ...В некоторых руководящих звеньях появилось пренебрежительное отношение к законам, мирились с многочисленными фактами очковтирательства и взяточничества, угодничества и славословия» [3, с. 17].

«Мы только думали, что управляем, а на самом деле складывалась ситуация, о которой предупреждал еще Ленин: машина едет не туда, как думают те, кто сидит у руля» [3, с. 18].

Здесь Горбачев затрагивает «священную корову» Советской власти – партократию, которая со времен «разоблачения культа личности» находилась вне критики. Партийный анклав был до сих пор неподсуден. Поставить под сомнение компетентность *партийного* руководства страны – это покушение на «основы» социализма.

Далее Михаил Сергеевич делает весьма странное заявление:

«Люди, обладавшие практическим опытом, чувством справедливости, большевистской принципиальностью, ...с беспокойством отмечали симптомы нравственной деградации, эрозии революционных социалистических ценностей. ...Нарастало недоумение и возмущение тем, что попираются великие ценности, рожденные Октябрем и героической борьбой за социализм» [3, с. 19].

Странно, о каких «людях» здесь идет речь? Почему они не «возмущались» раньше? Откуда они сейчас взялись? Может быть, – из той же партноменклатуры, из того же ЦК правящей партии? Тогда значит, «перестраивать» будут те же, кто «строил». Но, если раньше «строили» не так, то теперь, как будут «строить» заново?

Вот тут-то Горбачеву понадобился В.И. Ленин как «идейный источник перестройки».

«Неиссякаемым источником диалектической творческой мысли, теоретического богатства и политической прозорливости оставались для нас труды В.И. Ленина, ленинский идеал социализма. ...Ленин продолжал жить в умах и сердцах миллионов людей... Обращение к Ленину в партии и в обществе сыграло большую стимулирующую роль в поисках объяснений и ответов на возникшие вопросы. Особое внимание привлекали к себе работы Ленина последних лет его жизни. ...Сегодня мы лучше понимаем смысл последних работ В.И. Ленина и причины появления этих работ, составивших, по существу, его политическое завещание. ...Он был преисполнен тревоги за судьбу социализма» [3, с. 20–21].

Вроде бы все правильно и хорошо знакомо советскому читателю. Но при этом генсек КПСС как-то упускает из виду тот факт, что ленинское «политическое завещание» использовалось как «идейный источник» и в осуществлении сталинских грандиозных планов «построения социализма в одной стране», и в авантюрных хрущевских «реформах», и в помпезной брежневской программе «развитого социализма». Поэтому непонятно, о каких «схоластах» и «казенных начетчиках», воздвигавших «преграды» на пути к «ленинскому наследию», Горбачев при этом вспоминает.

Этот идеологический трюизм Михаил Сергеевич позаимствовал у своего «кумира», циничного лицемера и профессионального демагога Н. Хрущёва: *быть правоверней папы Римского!*

«...Социализм – это живое творчество масс», – делает гениальное открытие Горбачев.

В этом, оказывается, и заключается суть «перестройки». А раньше – Беломорканал и другие «Великие стройки социализма» создавали «враги народа»? Теперь это – «дело» самого народа!

«Включить человека во все процессы нашей жизни – сердцевина всего того, что мы делаем!» Восхитительная фраза – образчик безграмотной демагогии. Значит «мы» и «человек» – это не одно и то же. В нашей истории это уже было: «мы - Николай II»!

«Сегодня наиважнейшая задача – подышать человека духовно, уважая его внутренний мир, укрепляя его нравственные позиции» [3, с. 25]. А себя автор, очевидно, к этому «человеку» не относит. Тогда, о ком идет речь, когда он заявляет: «Мы должны взглянуть на себя с точки зрения того, по совести

ли живем и действуем»? «Истинно социалистический образ жизни» – это, оказывается, «работать лучше, честнее жить, порядочней вести себя». Но, ведь, это всегда было «нравственным кодексом» всякого цивилизованного человека. Если жить «по совести» – это и есть «истинный социализм», то тогда при чем здесь К. Маркс и В.И. Ленин, а тем более – «перестройка»?

По этому поводу Сергей Кара-Мурза замечает: «...Перестройка сумела оторвать сознание граждан СССР от здравого смысла и житейской мудрости, заставила их поверить в химеры, зачастую противоречащие очевидным фактам и элементарному знанию» [2, с. 328].

Одной из таких «химер» перестройки оказалась пресловутая «демократия», в которую поверила даже советская «интеллигенция» вопреки здравому смыслу.

«...Эффективнее всего в манипуляции сознанием действуют слова, которые не имеют определенного смысла, которые можно трактовать и так, и эдак. К этим словам ...[относятся] слова *свобода, демократия, справедливость* и т.п.», – пишет С. Кара-Мурза [2, с. 425].

В своей книге автор «нового мышления» безапелляционно заявляет:

«...Нужна широкая демократизация всей жизни общества. ...Только через демократию и благодаря демократии, возможна сама перестройка» [3, с. 27].

Общеизвестно отношение В.И. Ленина к «демократии» как к «буржуазному пережитку». Но Горбачёв возражает:

«На Западе Ленина нередко изображают сторонником авторитарных методов управления. Это свидетельство совершенного незнания Ленина, а нередко – преднамеренного извращения. На самом деле, по Ленину, социализм и демократия неразделимы» [3, с. 27–28].

Это – уже не хорошо. На Западе тоже могут пойти в библиотеку и почитать Ленина в первоисточниках. «Советский строй, – писал Ленин в 1921 году, – есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом возникновение нового, всемирно-исторического, типа демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата».

Так что, дорогой Михаил Сергеевич, надо было Вам определиться: либо Вы за «диктатуру» – тогда вы за «ленинизм», либо Вы за «демократию» – тогда Вы не туда попали...

«Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. ...Таким образом, эта демократизация есть ничто иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством», – напоминает С. Кара-Мурза [2, с. 422].

Когда «демократические процессы» в стране объявляются решениями июньского Пленума ЦК (1987 г.): «суть перестройки именно в том и состоит, что она соединяет социализм и демократию...», – то это может означать только то, что у партийного руководства страны «крышу снесло».

Примечательно, что Горбачев, пытаясь объяснить свой несуразный тезис: «больше социализма, больше демократии», – воспроизводит аргументы Запада.

«Кое-кто на Западе хотел бы навязать нам такую версию: социализм, дескать, переживает глубокий кризис, заводит общество в тупик. ...И дескать, выход один: ...дрейф в сторону капитализма. ...К этому добавляют, что если СССР пойдет по этому пути, откажется от своего социалистического выбора, то, дескать, это откроет шлагбаум для налаживания тесных отношений с Западом. Дело доходит до того, что и Октябрь 1917 года был ошибкой, чуть ли не отрезал народ и нашу страну от магистрального пути общественного прогресса» [3, с. 32].

А между тем, историческая логика альтернативна: если «перестройка» – это поворот страны к «демократии», значит, пора возвращаться на «магистральный путь общественного прогресса», если «перестройка» – это «больше социализма», тогда все разговоры за «демократию» – это политический блеф.

С. Кара-Мурза пишет: «Представление же, будто наличие «демократических механизмов» само по себе обеспечивает свободу человека, а их отсутствие ее подавляет – плод наивности, почти неприличной» [2, с. 37].

Так, демократия в западных странах вполне уживается с «буржуазными» принципами социального неравенства.

Еще задолго до появления на свет М.С. Горбачева, политические движения (и партии), которые в своих программах объединяли принципы «социализма» и «демократии», назывались «социал-демократическими». Они существуют в Западной Европе и сегодня, и некоторые уже десятилетиями управляют государствами. Но в 1918 году именно по инициативе В.И. Ленина произошло переименование Российской социал-демократической рабочей партии, у истоков которой стояли такие видные русские марксисты, как Г.В. Плеханов, во Всероссийскую «коммунистическую» партию (большевиков), что означало разрыв с «социал-демократическим» наследием, т.е. фактически – с классическим марксизмом. Тогда ВКП (б) стала партией «диктатуры пролетариата». Отказ от «диктатуры пролетариата» в пользу «социал-демократии», столь ненавистной «коммунистам» на

протяжении всей советской истории, сегодня для генсека КПСС было бы «отречением» от основополагающих принципов советской идеологии, что равносильно политическому самоубийству.

Между тем программа «перестройки», изложенная в книге Горбачева, очевидно, была «социал-демократической» и обращена, главным образом, к странам Запада. Так она там и была прочитана. Но она, по сути, означала переоценку исторического значения роли Великой Октябрьской Социалистической революции.

Поэтому, обращаясь к «урокам истории», Горбачёв не «понимает» (?), что они находятся в противоречии с его «благими намерениями», (если они были у него, действительно, «благими»?).

«Верно, в ходе послеоктябрьского развития были трудные этапы, не в последнюю очередь из-за грубого вмешательства в наши внутренние дела империалистических сил, допускались и ошибки, просчеты в политике. ...И если стоять на позиции правды, то каждый объективный наблюдатель должен признать, что в целом советская история – это история неоспоримого прогресса, при всех потерях, отступлениях, неудачах» [3, с. 35].

Как замечает С. Кара-Мурза, «в политике слово «правда» означает любое утверждение, лживость которого не может быть доказана» [2, с. 275].

Действительно, историю бесполезно «переписывать». Хотя толковать её можно по-разному в зависимости от полученного образования и личных целей.

«Индустриализация 20-30-х годов была действительно тяжелейшим испытанием». Но «с позиций сегодняшнего дня» она была нужна, так как «не будь индустриализации, мы остались бы безоружными перед фашизмом». «Вся Европа не смогла остановить Гитлера, мы его разгромили».

«Коллективизация была величайшим историческим деянием, крупнейшим после 1917 года социальным поворотом. ...Но без нее дальнейший прогресс нашей страны был бы невозможен», – воодушевленно восклицает бывший тракторист, сын председателя колхоза [3, с. 36].

Вероятно, Европа (и США) не смогла справиться с «разгромом» Гитлера потому, что в ней не были своевременно проведены «индустриализация» и «коллективизация».

В «советской» истории довольно часто имеют место «фактологические» подмены.

Например, «индустриализация» как процесс ускоренного промышленного развития общества не была «преимуществом» социализма. В конце XIX- начале XX веков российское правительство Витте успешно осуществило программу ускоренной «индустриализации», что дало толчок экономическому развитию страны (кстати, и современному перевооружению её армии). Точно также Ф.Д. Рузвельт и одновременно А. Гитлер провели быструю «индустриализацию» своих стран в 30-е годы. При чём здесь «социализм»? Советский Союз появился в начинавшуюся эпоху «индустриального общества» и должен был с этим считаться, чтобы просто «выжить». Другое дело, какими методами и средствами осуществлялась «индустриализация»? Это уже вопрос – специфики «социализма», точнее, – советской системы.

Вот, «коллективизация» явилась, действительно, «гениальным» ходом советского руководства, который позволил решить проблемы финансирования «индустриализации». До этого не додумался даже Гитлер! Но она неизбежно вызвала те социально-политические последствия, которые привели, в конце концов, к Большому террору, а в результате поставил страну на грань поражения в первые годы войны. Трагедия народа во время Великой Отечественной войны – это, прежде всего, следствие неадекватной внутренней социальной политики советского руководства.

Горбачёв, как всегда, не понимая двусмысленности сказанного, справедливо утверждает:

«...На основе строгой и объективной оценки фактов истории, можно сделать только один вывод: именно социалистический выбор привел отсталую Россию как раз «туда» – на то самое место, которое занимает Советский Союз сейчас в прогрессе человечества» [3, с. 39].

Именно с того самого «места», куда привела страну руководящая партия, и началась «перестройка».

Критикнув Н.С. Хрущёва за неиспользованные возможности, открывшиеся после XX съезда партии, когда был найден «виновник» (И.В. Сталин) не реализованного «ленинского плана» построения социализма, Горбачёв делает неожиданный вывод, что «социализм как общественный строй доказал свои огромные возможности в решении сложнейших проблем общественного прогресса».

Как же так! Значит, при Ленине социализм ещё не мог себя реализовать, так как было «слишком рано». При Сталине он себя реализовал не «так», не по-ленински. При Хрущёве он, опять же, вроде как «пошёл не туда». При Брежневе он вообще оказался в состоянии «стагнации» («загнивания»). А лишь только «перестройка», то есть М.С. Горбачёв, даст социализму нужное направление. А какое направление, куда? Назад – к Ленину!

Об этом писали тогда много и всерьёз ангажированные журналисты, историки и экономисты, не понимая абсурдности «разворота назад» страны в конце XX века, когда весь мир изменился настолько, что любые «крутые повороты» уже были опасны для жизнеспособности страны.

Горбачев пишет: «Мы учились и учимся у Ленина творческому подходу к теории и практике социалистического строительства... Классики марксизма-ленинизма оставили нам в наследство основные, сущностные характеристики социализма» [3, с. 41].

Однако «в период после Ленина» не во всем следовали его идеям. Непонятно, кто? Либо страна, либо его руководство. «В результате сложился обедненный, схематизированный облик социализма с гипертрофией централизованного управления...» Оказывается, что ещё в 30-40 годы «система управления постепенно стала приходить в противоречие с условиями и потребностями экономического развития...»

Главная же задача построения истинного социализма сегодня: «учиться у Ленина».

Горбачёв, очевидно, видел себя, призванным совершить новый «Октябрьский переворот».

«Перестройка – это революция. Решительное ускорение социально-экономического и духовного развития советского общества предполагает радикальные перемены на пути к качественно новому состоянию. И это, безусловно, революционная задача» [3, с. 46].

«...Нынешний курс является прямым продолжением великих свершений, начатых ленинской партией в Октябрьские дни 1917 года». «Перестройка – процесс революционный, ибо это – скачок в развитии социализма...» [3, с. 48]. «Скачок» куда? Назад, к «октябрьским дням»?!

Однако сегодня политолог напоминает: «...Революция всегда заводит не совсем туда, куда обещали революционеры» [2, с. 569]. Так и произошло у Горбачева...

Как известно, основной вопрос всякой революции – это вопрос о власти. Признавая это, Горбачёв предупреждает: «Разумеется, Советскую власть мы менять не собираемся. От её принципиальных основ отступать не будем...» [3, с. 51].

Здесь Горбачёв осуществляет ещё один гениальный «вклад» в философию ленинизма:

«...Революционные по сути преобразования осуществляются по инициативе самой власти, и становятся необходимыми в результате объективного изменения ситуации и настроений в обществе» [3, с. 52]. Карл Маркс, как известно, назвал такую «революцию» власти – «бонапартизмом». Но Горбачёв, вероятно, об этом забыл: «Своеобразие и сила перестройки в том, что это одновременно революция «сверху» и «снизу» [3, с. 54]. Это – уже теоретический перл!

Дальше следует изложение Программы «перестройки-революции».

«Программа перестройки уже воплотилась в серии государственных, законодательных актов, одобренных Верховным Советом СССР. ...В этом смысле она уже реальность» [3, с. 57]. Значит, революция будет осуществляться строго по законодательным актам. Уже «мужественный» XVII съезд принял «крупные решения, имеющие огромное значение для судеб страны». В этом автор видит стремление «возродить живой дух ленинизма» и подтверждение ленинских идей о том, что «революция – великая и самая эффективная школа политического воспитания и просвещения масс», и его это «радует». «Сейчас мы переживаем необыкновенный период. Люди старшего поколения сравнивают нынешнюю революционную атмосферу в стране с обстановкой первых после октябрьских лет, со временем Великой Отечественной войны. А мое поколение может провести параллель с периодом после военного возрождения страны из разлухи» [3, с. 65].

На это обратил внимание и С. Кара-Мурза, только оценил иначе:

«Конец перестройки был совмещен с моментом смены поколений, причем смены кардинальной – пришло активное поколение людей, не знавших и не прочувствовавших войну, не знакомых с тяготами восстановительного периода. В обществе господствующее положение заняли люди, которые *всю жизнь были сыты*» [2, с. 687].

Горбачев полагал, что перестройка будет самой «мирной» и «демократической» революцией, но для этого нужна «правда».

Конечно, речь идёт о «гласности», которая «нужна как воздух». «Без гласности нет и быть не может демократии. А без демократии нет и быть не может современного социализма» [3, с. 77].

В связи с этим, генсек партии вспоминает об «интеллигенции». Какая же «революция» в России без интеллигенции?!

«Горячо поддержала перестройку интеллигенция. ...Интеллигенция, преданная социалистическим ценностям, органичная часть советского общества, глубоко патриотическая по отношению к своей социалистической Родине, – это наше великое и, пожалуй, уникальное завоевание, наш бесценный духовный капитал. Непростая история у нашей интеллигенции. Значительная ее часть, в том числе демократическая, проклиная царский режим, боровшаяся против него, испугалась революции, была подхвачена волной белой эмиграции и оказалась за границей, отдав свой талант и знания другим народам. Это была большая потеря для молодого советского общества», – сожалеет ленинский ученик [3, с. 78]. Однако при этом он умалчивает о той русской интеллигенции, которая осталась в «молодом советском обществе» и погибла, за ненадобностью, в ГУЛАГе. Это, вероятно, не столь большая «потеря»!

Но как радетель за интеллигенцию Горбачев предупреждает своих коллег:

«Мне *пришлось попросить* (!) товарищей учиться работать с интеллигенцией в новом стиле. Пора перестать командовать ею. Это вредно и недопустимо» [3, с. 79]. Ну, прямо как Владимир Ильич, уговаривавший Феликса Эдмундовича не расстреливать учёных и инженеров, которые ещё могут «принести пользу» Советской власти!

Итак, перестройка как новая революция пойдёт «по пути демократизации». Через «демократизацию» лежит путь к реализации «человеческого фактора». Об этом уже говорилось выше.

Но сейчас Горбачев, как юрист с университетским дипломом, делает акцент на «законности»: «Без демократии не может быть законности. В свою очередь, демократия не может существовать и развиваться, не опираясь на законность». И обращается за подтверждением к истории. «С первых шагов Советской власти Ленин, партия придавали установлению и укреплению законности первостепенное значение. ...По завершении гражданской войны законодательная работа стала еще более интенсивной. Смысл ее был в том, чтобы обеспечить юридически оформление и закрепление социалистических преобразований» [3, с. 105].

Здесь с ним нельзя ни согласиться. Даже политические репрессии Большого террора, с точки зрения «законности», были безупречны. Все советские «законы» принимались Высшим законодательным органом страны – Верховным Советом СССР и они не противоречили ни «принципам социализма», ни нормам Конституции 1936 года. Другое дело – с *какой целью* писались и *как* использовались эти «законы»? Но это уже вопрос не юриспруденции, а политики. Так что, расхожее обвинение И. Сталина в «произволе» и «разгуле беззакония» юридически безосновательно.

Горбачёв часто не замечает абсурдности своих афоризмов. «Строго будем соблюдать принцип: разрешается все, что не запрещено законом» [3, с. 108]. Так это и есть основной принцип сталинской (советской) репрессивной системы! Если законом не запрещено, значит – можно!

Распространенным терминологическим трюизмом является разделение демократии на «прямую» и «представительную», сочетание которых якобы в Советах выдается за «уникальную и эффективнейшую форму». На самом деле демократия бывает либо *формальной* (как принцип), либо *реальной* (как система правления). Советская власть не несла в себе признаков ни формальной, реальной демократии: она реализовала большевистский принцип «демократического централизма», сформулированный в свое время В.И. Лениным в партийной борьбе против «меньшевиков». Мнение «большинства» стало определяющим принципом демократии «по-советски». Между тем – это извращение сути демократии как «народовластия». Сформировавшиеся по сталинской модели Советы представляли собой *партократическую* систему управления страной *от имени народа*.

Горбачёв вынужден признать факт «подмены Советов партийными органами»: «Принципу социалистической революции – власть не только для трудящихся, но и осуществляемая самими трудящимися – был нанесен серьезный ущерб» [3, с. 111].

«...В ходе перестройки перед нами встала важнейшая задача: восстановить во всей полноте роль Советов как органов политической власти, как носителя и мощного фактора социалистической демократии» [3, с. 112].

Горбачев не понимает, что это невозможно при однопартийной политической системе.

Между тем генсека ЦК компартии СССР больше волнует, «как наша перестройка воспринимается за пределами страны, и в частности на Западе». Его беспокоит то, что «некоторые политические деятели и средства массовой информации, особенно в США, пытаются представить перестройку в нашей стране как «либерализацию», предпринимаемую под давлением Запада» [3, с. 126]. Он просит Запад не «торопиться» отправлять Советский Союз «на свалку истории».

И опять поминает своего Великого предшественника:

«Ленин сказал: главное свое влияние на мировое развитие мы, то есть социалистическое государство, будем оказывать успехами в своей хозяйственной деятельности. Успех перестройки покажет, что социализм не только способен решить историческую задачу восхождения на высоты научно-технического прогресса, но и решит ее с высшей социальной и моральной эффективностью, методами демократии, ради человека...» [3, с. 132].

Тогда, зачем волноваться? Какое дело мощной и богатой державе до того, что о ней говорят на Западе? А дело в том, что вообще в «советской пропаганде» роль и влияние Советского Союза в мире, также как и «мирового коммунистического движения», в 80-е годы XX века были несколько гиперболизированы. Здесь, как всегда, желаемое выдавалось за действительное. Вместе с тем присутствие СССР на политической карте мира создавало обширные «поля напряженности». Советский Союз, часто вне какой-либо внешнеэкономической или геополитической целесообразности, так или иначе, присутствовал почти во всех «горячих точках» планеты. В конце концов, главным «аргументом» Советского Союза в международной политике, стал «военный фактор». «Сегодня одна стратегическая подводная лодка несет потенциал уничтожения, равный нескольким вторым мировым войнам. А таких подводных лодок многие десятки», – угрожает Горбачёв.

После этого он заявляет: «Пришла пора покончить с взглядами на внешнюю политику с имперских позиций» [3, с. 140]. И предлагает миру принять *его* «новое мышление».

«Впервые в истории жизненной потребностью стало положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы, очеловечить, гуманизировать межгосударственные отношения». «Новое политическое мышление требует признания еще одной простой аксиомы: безопасность неделима». «...Нельзя стремиться к собственной безопасности за счет других».

На первый взгляд это – «вечные» идеи, которыми, действительно, «занимались философы и теологи всех времен». И непонятно, почему «новое мышление» далось нам непросто, в мучительных раздумьях. И с «вдохновением», которое при этом «черпаем у Ленина», тоже не ясно.

«Всякий раз, обращаясь к нему, по-новому «прочитывая» ленинские работы, поражаешься его способности проникать в суть явления, видеть сложнейшую диалектику мировых процессов. Будучи вождем партии пролетариата, теоретически и политически обосновывая его революционные задачи, Ленин умел видеть дальше, выходить за их классовые пределы. И не раз высказывал мысли о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми. Всю глубину и значимость этих мыслей мы поняли лишь теперь. Они питают нашу философию международных отношений, новое мышление» [3, с. 148–149].

Выше уже отмечалась странная манера Горбачева по-своему интерпретировать политическое наследие Вождя «Октябрьской революции». Но есть всё-таки определённые принципиальные пределы, за которыми начинается вульгарная *отсебятина*.

Где и когда В.И. Ленин, письменно или устно (по свидетельствам), высказывался о «приоритете общечеловеческих интересов над классовыми»? Даже не цитируя (иначе наберётся почти полное собрание сочинений), нетрудно опровергнуть эти горбачёвские «умственные конструкции», («обреченные быть утопией»). Ленин, как *марксист*, просто не мог ставить «общечеловеческие ценности» выше «классовых», иначе это называется *либерализмом*, что Ленин презирал от всей души. Другое дело, что он в последних своих работах (после революции), действительно, пытался выдать *классовые* интересы *пролетариата* за «общечеловеческие» интересы, но и это – в отдалённом «будущем», что так и осталось «утопией».

И Горбачёв сам это признает: «Во внешней политике, как и во внутренней, испокон веков во главе угла был классовый интерес. ...Действительно, классовый подход ко всем явлениям общественной жизни – это азбука марксизма. Такой подход и сегодня полностью отвечает реальностям классового общества...» [3, с. 149].

Так что же изменилось с появлением «ядерного оружия»? Появилась «угроза всеуничтожения»? Но, оказывается, ничего не изменилось. В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС: «сочли даже возможным оставить в ней определение мирного сосуществования государств с различным общественным строем как «специфической формы классовой борьбы». Цитата: «В случае, если империалистические агрессоры все же осмелятся развязать новую мировую войну, народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм» [3, с. 151].

Так в чем же заключается новая «философия мира»?

«...Мы сделали вывод и об исчезновении причинно-следственной связи между войной и революцией. Перспектива социального прогресса «совместилась» с перспективой предотвращения ядерной войны».

Что же касается «доктрины» Ленина «насчет насаждения коммунизма во всем мире и планов покорения Европы» (речь здесь явно идёт о ленинской программе «мировой социалистической революции»), то генсек КПСС безапелляционно заявляет: «никакой такой «доктрины» не было ни у Маркса, ни у Ленина, ни у кого-то из советских руководителей». Это – «плод грубой фальсификации, в лучшем случае – невежества». Так, в своё время, утверждал И.В. Сталин. Но это была ложь! [4].

Хотя Энгельс, действительно, предупреждал: «Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы». Но Ленин – это не Энгельс, он думал иначе...

Генеральные секретари КПСС (за исключением И.В. Сталина) не только не знали истории, но и весьма поверхностно читали классиков марксизма-ленинизма. Это понятно – им было некогда.

«Как известно, Ленин считал, что не хватало бы и семидесяти Марксов, чтобы проанализировать во всех взаимосвязях процессы в мировой экономике» [3, с. 156]. Откуда это «известно» Горбачеву, – останется неизвестным...

«Итак. Основывая свою политику на новом мышлении, мы вовсе не хотим замкнуться в кругу привычным нам идей и свойственного нам политического языка. Отнюдь не имеем в виду перекрестить всех в марксистскую веру. Новое политическое мышление может и должно впитать опыт всех народов, обеспечить взаимное обогащение и слияние разных культурных традиций» [3, с. 162].

После этой абракадабры, трудно поверить Горбачеву в том, что «мы хотим в международном общении вернуть словам их подлинный изначальный смысл».

Так, например, в отношениях с социалистическими странами «речь идет, прежде всего, о том, чтобы всю систему политических отношений между странами социализма строить неукоснительно на основе полной самостоятельности» [3, с. 170].

И опять ссылка на Учителя (без цитаты): «Мы, советские коммунисты, думая о будущем социализма, ориентируемся на мысль Ленина, что оно будет складываться из ряда попыток разных стран» [3, с. 174].

Вероятно, когда подавляли «мятеж» в Венгрии в 1956 году и вводили войска в Чехословакию в 1968 году, «советские коммунисты» руководствовались именно этой «мыслью Ленина»!?

При определении отношений к так называемому «Третьему миру» у Горбачева появляется странный термин - «совокупный капиталист», который обрекает «целые народы» на «экономическую стагнацию», превращает их в «социальную бомбу» замедленного действия.

В связи с этим Горбачёв вспоминает Сандинистскую революцию и призывает США «оставить в покое» Никарагуа. И тут же говорит об Афганистане, с которым всегда «мы поддерживали хорошие отношения», но сейчас вопрос о возвращении оттуда на родину советских войск «связан с необходимостью политического урегулирования вокруг Афганистана». Удивительно, но генсек, при этом, не замечает «зеркальности» ситуаций. Бессмысленная бойня в Афганистане продолжалась при нем еще четыре года!

И вместе с тем, его сочувствие борьбе стран Латинской Америки за «утверждение своей независимости» от «неоколониализма», подкрепленное его «симпатиями», находит свое выражение в том, что... «мы призываем американское руководство *вместе* (?) искать пути решения проблем «третьего мира». Есть для этого иные пути, иные методы, кроме принуждения» [3, с. 198].

Михаил Сергеевич, очевидно, не читал «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленина.

Советская внешняя политика в Европе – это особая тема.

Во время визита Горбачева во Францию в 1985 г. президент-социалист Ф. Миттеран предположил: «Почему не допустить возможность того, – чтобы постепенно... пойти по пути более широкой европейской политики?» [3, с. 199].

По этому поводу генсек ЦК КПСС заявляет: «Мы – европейцы. ...История России – органическая часть великой европейской истории» [3, с. 200]. Им вводится понятие «общеевропейский дом» для обозначения определенной европейской целостности. Горбачев демонстрирует знание античной мифологии, придав «современное звучание» мифу о похищении Европы, и выражает свою обеспокоенность: «Серьезная угроза нависла над европейской культурой. Эта угроза исходит из хлынувшей из-за океана «массовой культуры» [3, с. 218].

Советско-американские отношения он собирается «перестраивать», отказавшись от идеологических «мифов», основываясь на «понимании того, что каждый народ имеет право самостоятельно избирать свой образ жизни, свою систему правления». «Выступая за оздоровление обстановки в мире, мы считаем, что есть два признака, отличающих реалистическую внешнюю политику: учет собственных национальных интересов и уважение интересов других государств. Это – сильная и здравая политика» [3, с. 233].

В заключение своей книги М.С. Горбачев вновь клянется именем своего Учителя:

«Нами движут идеи Октября, идеи Ленина, интересы советского народа» [3, с. 268].

Однако в конце 80-х некоторые представители творческой и научной интеллигенции уже усомнились в том, что «перестройка» непременно должна быть возвращением к «ленинизму».

Например, в «Литературной газете» (от 17 января 1990 года) была опубликована дискуссия на тему: «История. Революция. Литература», в которой приняли участие доктор исторических наук В. Сироткин и доктор философских наук А. Ципко. По сути, речь шла о значении «октябрьской революции» с точки зрения современной интеллигенции и об оценке роли в ней В.И. Ленина.

Так, А. Ципко заметил: «Не следует забывать, что среди русской интеллигенции большевики составляли подавляющее меньшинство. ...Не случайно же почти вся русская интеллигенция после гражданской войны вынуждена была покинуть Россию. Не случайно же в самой большевистской партии образованные люди составляли ничтожное меньшинство».

Он предложил отличать те лозунги «Октября», в которых был «здравый смысл», от конечной стратегии большевиков, за которой стояла «утопия Маркса». «Не следует забывать, что Ленин, ведя беднейшие слои населения на штурм Зимнего, сам руководствовался в тот момент не здравым смыслом, а утопией. В этом он сам признавался себе в конце жизни».

Поэтому философ был против «попыток трактовать нынешнюю перестройку как продолжение Октября, его идеалов», то есть против горбачевского «толкования» перестройки.

Историк В. Сироткин считал, что «...главный просчет Ленина и большевиков в 1917 году состоял в том, что они ошибались в своих расчетах на быстрое начало мировой пролетарской революции на Западе и на скорое свержение ига колонизаторов на Востоке (Ленин: «...мы и начали дело

исключительно в расчете на мировую революцию»)). При этом «Ленин никогда не скрывал сущности диктатуры пролетариата».

А. Ципко попытался возразить: «Ошибка Ленина не в том, что он переоценил революционную зрелость европейского пролетариата, а в том, что он никогда всерьез не размышлял о последствиях развязанной им гражданской войны, о возможности осуществления той мечты, к которой он принудил свой народ». Не стоит игнорировать «марксистские истоки большевизма». Вместе с тем «не было бы русского мессианизма, никто бы не смог нас соблазнить мессианизмом Карла Маркса».

«Меня всегда поражает, с какой легкостью на различных этапах своей борьбы Ленин меняет исходные парадигмы своего мышления. ...Для Ленина Россия – это способ реализации, пусть из гуманных соображений, марксистской теории революции» [5].

Между тем, С. Кара-Мурза, отмечает:

«Во многих отношениях перестройка, итог которой подвел август 1991 г., оказалась революцией, принципиально отличающейся от всех революций, которые пережило человечество. Эти революции – совершенно новое явление в этическом плане. Перестройка и тесно связанные с ней явления в других странах ввели человечество в эпоху политического постмодернизма, где не действуют привычные нормы и ограничения...» [2, с. 806].

Таким образом, если перестройка и была «революцией» (попыткой революции), то это была *деструктивная* революция, использовавшая привычную терминологию, но лишенная определенных позитивных целей. Она не обуславливалась объективной «революционной ситуацией» в стране. Вместо этого очевидно назревал *политический* кризис власти как следствие нарастающего экономического кризиса. Но это еще не причина для революции. КПСС была уже не в состоянии управлять страной должным образом. Альтернативные «демократические» движения и организации, формировавшиеся «наспех» советской же «люмпен-интеллигенцией», были не способны «взять власть» в свои руки. Ошибкой Горбачева явилось то, что он упустил возможность начать «перестройку» со структурной реорганизации самой компартии. По сути, М.С. Горбачев задумал социал-демократическую «контр-революцию» с целью постепенного превращения Советского Союза в современную «европейскую» страну. Но это могло быть только утопией, так как КПСС никогда *добровольно* не отказалась бы от монополии на власть.

В результате – это все-таки произошло, но *не добровольно* и... без Горбачева и КПСС!

Библиографический список:

1. Устарел ли марксизм? // Литературная газета. — 1989. — 8 янв.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 832 с.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М.С. Горбачев. — М.: ИПЛ, 1987. — 271 с.
4. Колесов М.С. Философия «перманентной революции»: Троцкий и Ленин / М.С. Колесов // Вестник СевГТУ. Сер. Политология: сб. науч. тр. — Севастополь, 2006. — Вып. 77. — С. 195–212.
5. История. Революция. Литература // Литературная газета. — №3. — 1990. — 17 янв.

Поступила в редакцию 31.08.2009 г.